

Стефан Кларк

ЭДУАРД VII

Самый французский
английский король

Москва, 2017

УДК 82-94
ББК 63.3(4Вел)53-8
К47

Перевод с английского И. Литвиновой

Кларк, С.

К47 Эдуард VII. Самый французский английский король / С. Кларк ; [пер. с англ. А. Литвиновой]. – М. : T8RUGRAM / РИПОЛ классик, 2017. – 350 с.

ISBN 978-5-519-61140-4

Стефан Кларк – современный британский журналист, однажды приехавший в Париж и волею судеб задержавшийся в нём на годы. Автор целого ряда публицистических и художественных историй о Франции и её жителях.

Вы держите в руках увлекательную книгу, в которой Стефан Кларк без купюр и прикрас рассказывает читателю о занимательной судьбе и приключениях самого французского английского короля – Эдуарда VII, большую часть жизни находившегося в тени королевы Виктории, однако вошедшего в историю как один из самых почитаемых британских монархов. «Король миротворец» и талантливый дипломат, страстно влюблённый во Францию, был известным охотником до танцовщиц и куртизанок...

Эта книга перенесёт вас в неповторимую атмосферу XIX века и оставит неизгладимый след в душе каждого читателя.

УДК 82-94
ББК 63.3(4Вел)53-8
BIC BGR
BISAC BIO014000

© T8RUGRAM, оформление, 2017
© Stephen Clarke, 2014
© Перевод. Литвинова И. А., 2015
© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2017

ISBN 978-5-519-61140-4

*Посвящается Парижу,
который непременно
обратит вас в парижанина...
если в вас есть хоть капля ума*

Вступление

Эдуард VII царствует в Лондоне,
но правит в Париже.

Эмиль Флуранс, французский
министр иностранных дел

Если бы в начале XX века существовали тесты ДНК, они бы, конечно, подтвердили, что король Эдуард VII был представителем англо-германской породы. Его отец Альберт — чистый тевтон, с моралью такой же жесткой, как усы кайзера. Мать, Виктория, пусть и наполовину, но тоже немка. А родился он в то время, когда в лексиконе англичан слово «француз» было синонимом «дьявола», «смертельного врага», «неудачника» и «грубияна».

Тем более странно, что Эдуард — или Берти, как называли его в семье, — вырос французом по духу. С такой-то родословной и воспитанием ему впору было стать образцовым викторианцем — со всеми моральными ограничениями, к которым обязывало это звание, — но из Берти получился бонвиван и жизнелюб, сладкоречивый соблазнитель, который был не прочь смотреться через Ла-Манш на ужин с шампанским и канканом в поисках *amour*¹.

Исследуя эскапады Берти в процессе работы над книгой «Англия и Франция. Мы любим ненавидеть друг друга», я с удивлением обнаружил, что историческая литература несправедливо обошла вниманием эту наиболее яркую, «фран-

---

¹ Любовь (фр.).

цузскую» часть его жизни. Целые недели, проведенные в Париже, уместились в две-три строчки, а ведь мы с вами знаем, как можно накуролесить в этом городе и за неделю.

Я нашел немало эвфемизмов о «взрослых развлечениях», часто цитируемые жалобы Виктории на «ужасный Париж» и его «испорченность»; мне попадались списки парижских знакомых Берти, пользующихся дурной репутацией, даже скабрезные анекдоты, но больше никаких подробностей. Я все не мог понять, в чем дело.

Возможно, эти писатели думали, что парижские экскурсии Берти слишком легкомысленны для серьезной истории? Или что его невинные сексуальные подвиги во Франции были всего лишь ширмой, скрывающей длительные любовные отношения со знаменитыми соотечественницами — Лили Лангтри и Алисой Кеппел (прабабушкой Камиллы Паркер-Боулз)?

Я счел позорным такое невнимание к французским эпизодам жизни монарха, поскольку Берти был полноправным участником парижских событий — пожалуй, самого увлекательного, творческого периода в истории города. На вторую половину XIX века пришлись зарождение канкана, расцвет импрессионизма и появление Больших бульваров; это было время, когда формировалась культура Монмартра, Елисейских Полей и парижских *café*¹; когда проститутки были повсюду, а адюльтер стал непременным атрибутом жизни высшего света.

Берти с удовольствием вращался в этом мире, который и сделал его тем дружелюбным весельчаком, каким его знали современники. Он танцевал при дворе императора Наполеона III, испытывал страдания во время осады Парижа и был первым гостем, поднявшимся на Эйфелеву башню. Он умел находить общий язык с самыми радикальными французскими

---

¹ Кафе (*фр.*).

роялистами и республиканцами, и они относились к нему с восхищением, уважением и любовью — как и все, почти без исключения, кто встречался с ним, независимо от пола и национальности. Даже полубезумный кайзер Германии Вильгельм становился сговорчивым, когда рядом с ним был Берти.

Этой книгой я попытался рассказать — впервые — полную, без купюр и прикрас, историю о том, как французы научили будущего короля Англии очаровать весь мир.

Стефан Кларк, Париж

ГЛАВА 1

1855: Любовь с первого взгляда

*У вас очень красивая страна.
Я бы хотел быть вашим сыном.*

Тринадцатилетний Берти
Наполеону III,
императору Франции

1

Старший сын королевы Виктории, Альберт-Эдуард, был человеком новой формации. Его предки, как и многие современники, видели в континентальной Европе лишь гигантское поле битвы. На протяжении тысячи лет в европейских турне их обычно сопровождал багаж, состоящий из доспехов, стрел и пушек.

Он жил в то время, когда большинство его соотечественников призывали Англию к «гордому одиночеству», а многие европейцы жаждали революции в собственной стране и/или войны с соседями.

Но Альберт-Эдуард — Берти для близких — думал иначе. Как и нас сегодня, будущего короля Эдуарда VII гораздо больше интересовал туризм, а не военные прогулки. Он знал, что война с любой европейской страной разом отлучит его от любимых ресторанов, театров, *châteaux*¹ друзей. Ему нравилось в континентальной Европе то же, что и нам, — курор-

---

¹ Замки (фр.).

ты, еда, аромат экзотическогоекса. Он даже мог изъясняться на европейских языках.

Альберт-Эдуард был таким пламенным поклонником континентальных удовольствий, что заработал себе прозвище Грязный Берти в английской прессе, и, пока не стал королем, он старался держаться подальше от общественного внимания. Но мы не должны забывать, что именно Грязный Берти — первый претендент на обладание платиновой картой постоянного клиента самых престижных парижских *cafés* и борделей (если бы в XIX веке знали о картах лояльности) — со временем вырос в блестящего дипломата, возможно, величайшего в британской истории.

Именно Берти практически в одиночку удержал Европу от большой войны на пороге XX века. Можно даже поспорить (и эта книга тоже подкинет аргументов), что, если бы он курил намного меньше и прожил на несколько лет дольше, Европа не скатилась бы к войне в 1914 году.

Чаще всего не военные угрозы и официальные союзы между странами, а неформальные встречи Берти со своими европейскими друзьями и родственниками¹ рассеивали тучи войны. Государственный визит Берти на королевской яхте или частном поезде, легкий треп за сигарой, несколько приятельских обедов с генералами — и потенциально взрывоопасные конфликты вокруг господства на море или пригра-

¹ Кайзер Германии Вильгельм II и император России Николай II были племянниками Берти; испанский король Альфонсо XIII был женат на племяннице Берти; король Югославии Петр II, король Дании Фредерик IX и король Швеции Густав Адольф VI были женаты на его внучатых племянницах; король Греции Александр I приходился ему внучатым племянником; король Норвегии Хокон VII — зятем; Берти имел родственные связи по всей Европе, за исключением Австро-Венгрии, которой правил его старый друг император Франц-Иосиф, и Франции, где его любили как своего. — Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, приводятся комментарии автора.